

АЛЕКСЕЙ САЛЬНИКОВ

АЛЕКСЕЙ САЛЬНИКОВ

**ПЕТРОВЫ
В ГРИППЕ
и вокруг него**

роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА
ШУБИНОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С16

Дизайн переплета *Виктории Лебедевой*

В оформлении использована иллюстрация
ООО «ХАЙП ФИЛЬМ»

Сальников, Алексей Борисович.

С16 Петровы в гриппе и вокруг него : роман / Алексей Сальников. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. — 411, [5] с. — (Кинобестселлеры).

ISBN 978-5-17-139310-6

Специальное издание к премьере фильма Кирилла Серебряникова.

Петровы — самая обычная семья. Он — автослесарь, она — библиотекарь, у них есть сын, но вместе они не живут. Кажется бы, ничего особенного. Но повседневная реальность взрывается в тот момент, когда семья заболевает гриппом, и жизнь оказывается полной безумия, фантастики и сюрреализма.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-139310-6

© Сальников А.
© ООО «ХАЙП ФИЛЬМ»
© ООО «Издательство АСТ»

Посвящается моей жене

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	Артюхин Игорь Дмитриевич	9
Глава 2	Сны Петрова	55
Глава 3	Елка	105
Глава 4	Петрова сходит с ума	153
Глава 5	Петрова успокаивается	196
Глава 6	Петров тоже не подарок	240
Глава 7	Грипп Петрова-младшего	289
Глава 8	Театр Взрослого Ожидателя	334
Глава 9	Снегурочка	380

ГЛАВА I

АРТЮХИН

ИГОРЬ ДМИТРИЕВИЧ

Стоило только Петрову поехать на троллейбусе, и почти сразу же возникали безумцы и начинали приставать к Петрову. Был только один, который не приставал, — тихий пухленький выбритый старичок, похожий на обиженного ребенка. Но когда Петров видел этого старичка, ему самому хотелось подняться со своего места и обидеть старичка еще больше. Вот такое вот его обуревало дикое, ничем не объяснимое чувство, тесная совокупность мохнатых каких-то дарвиновых сил с достоевщиной. Старичок, замечая на себе внимательный взгляд Петрова, робко отворачивался.

Но сей дедуля являлся, так сказать, постоянным сумасшедшим, его Петров встречал то и дело едва ли не с детства, даже вне общественного транспорта. Другие сумасшедшие вторгались в жизнь Петрова только по разу, будто единожды за тридцать лет вырвавшись

с восьмого километра Сибирского тракта, спешили на третий троллейбус, чтобы сказать Петрову пару ласковых — и пропасть навсегда.

Была старушка, уступавшая Петрову место на том основании, что он, Петров, инвалид и у него деревянные ноги и руки и рак (рак не деревянный, просто рак). Был дядька, похожий на кузнеца из советских кинофильмов, т. е. здоровенный дядька с таким голосом, от которого вся жесь троллейбуса, казалось, начинала вибрировать. Похожим образом вибрирует полупустая открытая бутылка, если мимо проезжает грузовик. Дядька, одним своим боком прижав Петрова к стенке, читал пожилой кондукторше стихи, поскольку оказалось, что под ватником, пахнущим металлической стружкой, бензином и солярой, таится нежное сердце поэта.

— А годы летят, наши годы как птицы летят, — интонируя нежностью «годы» и «птицы», читал дядька.

Кондуктор, улыбаясь кроткой улыбкой, слушала.

Много раз к Петрову подсаживались люди не сказать что совсем уж пожилые, чтобы можно было заподозрить каждого из них по крайней мере в маразме, знакомились и принимались нести ахинею про золото партии, про бесплатные путевки в санаторий, которые давали когда-то каждый год, и про то, что всех, кто сейчас находится у власти, надо ставить к стенке. Как только кто-нибудь из безумцев упоминал эту пресловутую стенку, Петрову почему-то представлялись стоящие в ожидании расстрела Путин и Россель. Воображение рисовало их такими же, как они появлялись на телеэкране: Россель весело

улыбался, Путин был серьезен, но с этакой иронией в глазах.

Однажды на виду у Петрова едва ли не врукопашную сошлись два пенсионера. Спорили они за одно и то же, даже политические платформы каждого из них не сильно разнились, но тем не менее они ссорились, Петров уже заподозрил дурное, поскольку пенсионеры сходились и в том, что Ельцина убрал Березовский, и что таджиков много, и что раньше была настоящая дружба народов, а теперь одни евреи, и что на Нобелевскую премию Евтушенко выдвигают лишь за то, что он осуждает холокост. Такой взгляд на происходящее несколько ломал представление Петрова о всякой логике, и он почувствовал, что сам сходит с ума, как двое этих стариков, пытаюсь понять, почему они кричат друг на друга. Все это как будто бы могло нехорошо кончиться, но тут наступила конечная, старички вышли и медленно разошлись в разные стороны, спокойные и отстраненные от всего, как до спора, так и не выяснив, при ком был самый сахар: при Брежневеве или при Брежневеве.

И в этот раз, гриппуя и сам чувствуя некоторую измененность сознания, Петров стоя колыхался на задней площадке троллейбуса, держась за верхний поручень. Народу было немного, но сидячих мест не было, а водитель на каждой остановке одинаково шутил:

— Осторожно, двери не закрываются.

На остановке «Архитектурная академия» в салон зашел аккуратненький дедуля в чистом сером пальтишке, в отутюженных серых брючках, с чемоданчи-

ком на застежке. У дедули была ленинская, или же дзержинская, или же лимоновская бородка. Очки дедули побелели с мороза, и он принялся вытирать их концом красно-черного клетчатого своего шарфика, когда место ему уступила девочка лет восьми.

Старичок поблагодарил и сел.

— А вот сколько тебе лет? — потерпев какое-то время, поинтересовался старичок у девочки.

— Девять, — сказала девочка и нервно громыхнула ранцем за плечами.

— А ты знаешь, что в Индии и в Афганистане девочки с семи лет могут замуж выходить?

Петров решил, что бредит или же ослышался, — он посмотрел на старичка, тот продолжал шевелить губами и издавать звуки.

— Вот представляешь, ты бы уже два года замужем была, — старичок лукаво сощурился, — два года бы уже с мужем трахалась вовсю, а может быть, даже изменяла бы ему. Все вы, сучки, одинаковые, — закончил он, с той же доброй улыбкой и лукавым прищуром глядя ее по ранцу.

— Горького, — объявил водитель и открыл двери. Старичок хотел продолжить, но тут бледный худенький паренек лет, может быть, семнадцати, сидевший со старичком по соседству, на одном с ним сиденье, как бы очнулся от разглядывания окрестностей сквозь процарапанный оконный иней, повернулся к старичку, снял с него очки и дал ему по физиономии, внезапно, но так как-то даже обыденно, не слишком даже сильно. К ногам Петрова, как шайба, выкатилась старикова вставная челюсть.

— Ах ты... — возмутился старичок, — да я за тебя пятнадцать лет в Анголе...

— Осторожно, двери не закрываются, — предупредил водитель.

Паренек ухватил старичка за шарфик и, как упирающуюся собаку, торопливо выволок его наружу. Петров нагнулся, поднял вставную челюсть с прорезиненного рифленого мокрого пола и выбросил ее на улицу, где продолжалась экзекуция. Двери закрылись, и троллейбус двинулся дальше. Девочка как ни в чем не бывало заняла освободившееся у окна место. Петров отчего-то заробел садиться с ней рядом, он отошел к заднему стеклу, почти чистому, почти безо льда. Сквозь стекло была видна реклама «Росгосстраха», приклеенная по ту сторону окна и потому перевернутая зеркально, так что, понятно, читалось: «хартссогсоР», на рекламе этой был еще изображен почему-то бульдог, снаружи видимый отчетливо, а из троллейбуса смотревшийся эдак бледновато, словно подернутая туманом собака Баскервилей. Кроме того, через заднее окно Петров увидел, как милиция забирала и паренька, и дедушку, причем дедушка защищался, ловко бия милиционеров портфелем, а те, в свою очередь, дрались с ним кулаками и дубинками. «Может быть, правда Ангола», — равнодушно подумал Петров той частью мозга, которая была особенно охвачена у него жаром инфлюэнцы.

Когда перспектива постепенно скрыла от Петрова побоище, он опять стал смотреть на рекламу «Росгосстраха», задумавшись, есть ли, например, у китайцев аббревиатуры, или же им хватает иероглифов. При ка-

ждом выдохе он чувствовал, как жарко, пусто и просторно у него в носоглотке. Хотелось холодной газированной воды, и закурить, и аспирина, и еще раз холодной газированной воды, и уснуть.

— Раньше таких людей за блаженных считали, — назидательно сказал за спиной Петрова старушечий голос, — уважали, ходили к ним специально, а сейчас вот оно как.

«.....», — равнодушно подумалось Петрову.

— Пенсионное, — продолжал голос, — а сейчас вон что по телевизору показывают, а слово человеку сказать не дают.

Петров не без веселья подумал, что забавно было бы обернуться и увидеть за спиной совершенно пустой салон, да так, чтобы голоса продолжали звучать, — но оборачиваться не стал. Петров стал смотреть на дорогу, и от того, как она выкатывалась из-под троллейбусного хвоста, Петрова замутило. Он поднял глаза на идущие вслед за троллейбусом машины и увидел, что прямо за ними катится катафалк — малиновая «газель» с двумя вертикальными черными полосами через все лицо. Человек на пассажирском месте «газели» радостно махал руками. Не сами глаза Петрова, а его горячая голова медленно навела фокус на человека, машущего руками, чтобы Петров понял наконец: перед ним его старый знакомец, знакомец показывает ему, дескать, иди сюда. Зря Петров не сел рядом с девочкой, потому как последний раз, когда он виделся с этим знакомцем, а звали знакомца Игорь, все чуть не закончилось тем, что оба они, Игорь и Петров, по пьяной лавочке едва

зачем-то не уехали в Ирбит. Благо Игорь еще по дороге до железнодорожного вокзала стал грубить прохожим, а поскольку день отъезда совпал с днем ВДВ, путешествие, так и не начавшись, завершилось побоями, пьянкой на островке возле УрГСХА и песнями про голубые береты в компании каких-то загорелых, покрытых татуировками, мускулистых мужиков, словно разом вышагнувших на улицы города из бара «Голубая устрица».

Петров стал махать Игорю, отпуская его за приключениями одного. При этом Петров всем своим видом давал понять, что нет, нет, ему некогда, ему плохо, тем более Петрову и на самом деле было плохо, а когда он увидел Игоря, стало и того хуже, но тот словно не совсем понимал Петрова, а может, принимал все отчаянные жесты Петрова за своеобразное кокетство, потому что считал Петрова почему-то душой компании. Петров, впрочем, отмахивался и знал, что это бесполезно, не придумал еще никто способа отмахаться от Игоря, когда тот желал понимания и общества, это были просто какие-то чары. Что говорить, если этот волшебный человек прямо на лету исхитрился в хлам напоить наряд ППС, который их с Петровым остановил, а после Игорева тоста: «Ну, чтобы вам все с рук сходило, как фээсбэшникам», — один из особо чувствительных милиционеров едва не подарил Игорю табельное оружие. Понятно, что через минуту Петров и его троллейбус были остановлены, что упирившийся, улыбающийся смущенно и что-то смущенно и протестующе мекающий Петров был пересажен в катафалк, что минут через семь они уже